

Судьба Эдуарда Артемьева решилась в одночасье. Он оканчивал консерваторию по классу композиции у профессора Ю. А. Шапорина, впереди ждало распределение.

И тут, в коридорах, на полных обрывками музыкальных фраз, появился человек, который прикинул к доске обрывков листок бумаги в клетку, вырванный из школьной тетради. Смысл этого послания в никуда сводился к тому, что если у молодых музыкантов есть желание освоить принципиально новый инструмент — фотоэлектрический синтезатор «АНС», просьба обратиться к автору сего — Е. А. Мурзину. Рядом был написан телефон.

Эдуард пошел по объявлению, да так и не вер-

ЗА ЗВУКОВЫМ БАРЬЕРОМ

Правда, и олимпийская кантата, и упоминавшаяся «хоккейная» музыка записаны уже на другом инструменте — английском синтезаторе «SYNTI-100», закупленном для студии по ходатайству Дмитрия Шостаковича.

«АНС» после кончины Е. А. Мурзина был передан в МГУ, и дальнейшая его судьба от глаз любителей музыки скрыта. Но до сих пор все, кто имеет отношение к деятельности студии, вспоминают о первенце советской электронной музыки с такой теплотой, будто это живое существо. Для многих «АНС» — путь к познанию себя, собственных творческих возможностей.

Фамилия Артемьева известна большинству по музыке к кинофильмам. Может быть, это во многом объясняется тем, что именно кинематографистов в первую очередь привлекли новые выразительные возможности, заложенные в электронной музыке. Причем, если вначале привлекала именно необычность, возможность создавать «неземное» звучание, то в последнее время перед музыкой, создающейся на синтезаторе, ставятся задачи значительно более обширные. Хорошо заметны эти изменения и на творчестве Эдуарда Артемьева, начинал он музыкой к фильму «Солярис» — космическая тема, «звуки вечности». Одна же из последних его работ — музыка к фильму «Сибиряда», одному из самых «земных» произведений нашего кинематографа, которая, между прочим, практически целиком создана на синтезаторе. Кстати говоря, недавно во Франции вышла пластинка-гигант, на одной из сторон которой записана музыка Артемьева к фильму «Сибиряда».

На творческом счету Эдуарда сейчас музыка к 42 кинофильмам. Появился опыт, любимые режиссеры.

— Они очень разные, — говорит Эдуард, — Гарновский, например, дает почти полную свободу, но музыка в его фильмах не является ведущим элементом. В «Сталкере», например, это скорее общий, почти подсознательный фон. Вообще мечта Андрея — снять фильм без музыки. Но это, пожалуй, и ставит перед композитором определенную сверхзадачу — достичь задуманного результата в минимально отпущенное время.

А. Кончаловский работает во многом по-другому. Музыка в его фильмах в значительной степени определяет ритм, характер действия. В «Сибиряде» еще до начала съемок были написаны музыкальные темы — «Земля», «Люди», «Время» и «Стихийные силы», которые легли и в основу стилистики фильма.

Для фильма Никиты Михалкова «Раба любви» была написана традиционная инструментальная музыка с пронзительной основной темой — также исходя из «ретро-стиля» ленты.

Сейчас Артемьев работает над музыкой произведения «Преступление и наказание» по Достоевскому (либретто А. Кончаловского, М. Розовского и Ю. Ряшенцева). Так и тянет назвать его рок-оперой, однако сам Эдуард вовсе не торопится определять жанр таким образом.

— Мне кажется, — говорит Эдуард, — мы живем в уникальное время, когда проходит бурный процесс взаимопроникновения музыкальных течений, стилистик. Мы постепенно приходим к появлению «великой единой реки музыки». Спектр работы композиторов и музыкантов расширяется необычайно. Помните, ведь так уже было когда-то — Моцарт позволял себе писать и серьезнейшие симфонические произведения, и танцы. А великий Шостакович — наков диапазон творчества! Но это гении, сейчас же сам процесс развития музыки стимулирует музыкантов к решительной ассимиляции, к объединению жанров. И именно электронная музыка, новые средства музыкальной выразительности позволяют осуществить этот объективный процесс.

Почему-то считается, что электронная музыка — дело экспериментальное. Это категорически неверно — она давно выросла из коротких штанишек эксперимента, давно стала фактом, одной из важных сторон музыкальной жизни.

Молодежь сейчас во многом ориентируется на зарубежную электронную музыку — «Пинк Флойд», «Эмерсон, Лейк энд Палмер», Чеслава Немена. А что слышали они из отечественных записей музыки такого рода? Единственная пластинка, записанная на «АНСе», давно стала коллекционной редкостью. Правда, сейчас готов к выходу диск «Метаморфозы», записанный нами на «SYNTI-100». Он включает произведения Дебюсси, Прокофьева, Баха, Монтеверди, Джона Буля, Вл. Мартынова, Богданова, мою композицию. Вы только послушайте пластинку, — по моему, вполне прилично. Я могу об этом говорить вполне ответственно. Думаю, для многих она явится открытием.

Однако сейчас многих волнует еще одно — неясность судьбы самой Студии электронной музыки. Принято решение о ее расформировании — синтезатор передается ВСГ «Мелодия», однако не определены даже помещения для монтажа аппаратуры. Не решен и целый ряд организационных вопросов. Хотелось бы надеяться на действительную помощь Союза композиторов, руководства фирмы «Мелодия». Хорошее начинание, в которое было вложено столько душевных, творческих усилий, заглушить не должно.

Л. ГРОМИН.

Фото В. КОВАЛЕВОВА.

нулся — попросил направление в сугубо техническую, на первый взгляд, лабораторию, с головой ушел в мир непривычных звуков.

Здесь необходимо сделать небольшое, но принципиально важное отступление. Происходило все это в 1981 году, когда само слово «синтезатор» было знакомо весьма немногим. Евгений Александрович Мурзин, создавая свой инструмент, попытался воплотить в жизнь давнюю мечту композитора Скрибина (само название «АНС» состоит из первых букв имени, отчества и фамилии композитора).

Скрибина мучила проблема сравнительной ограниченности звуковых сочетаний и тональностей у традиционных инструментов. Выход он искал в значительном увеличении состава симфонического оркестра, но ряд его произведений до сих пор не может быть исполнен в том виде, как они задуманы автором.

В октаве синтезатора Мурзина было 72 интервала — в шесть раз больше, чем у других инструментов. Необычайна была и система звукозвучения. Нанося специальные значки на прозрачную плоскость, можно было подобрать практически любую высоту и длительность звуков, огромное количество вариантов их сочетания, преодолеть своеобразный «звуковой барьер».

Специалисты считали, что в свое время это был самый совершенный электронный инструмент в мире.

Мы сидим с композитором Эдуардом Артемьевым в маленькой комнате Экспериментальной студии электронной музыки на ул. Вахтангова, слушаем одну из последних работ, написанных Эдуардом и записанную им с помощью синтезатора.

Звучит кантата-ритуал, которая должна исполняться во время открытия Олимпийских игр в Москве. Лавина звуков, объединенная жесткой ритмической основой, ясность музыкальной идеи — и вместе с тем удивительное богатство звучания, щедрость музыкальной палитры. Почему-то сразу вспомнились телевизионные заставки московского чемпионата мира по хоккею — многие заинтересовались автором этой записи, ее исполнением. А родилась она здесь, на улице Вахтангова.